

IV. Политология

Михаил Минаков

Выбор 1991 года: как украинцы оценивают выбор в пользу национального государства, демократии и капитализма

Постсоветское пространство и время можно рассматривать как своеобразную «лабораторию истории», где на судьбах людей, малых групп и целых обществ ставили политические и экономические «эксперименты». В нашем случае эксперимент – это своеобразный жанр отношения элит к населению. В этом экспериментировании «теории» (националистические, неолиберальные и т.д.) задавали и цели, и методы для внедрения в практику государственного и национального строительства, проведения реформ, нормализации жизни после радикальных исторических событий. Но в отличие от советского периода с его «тоталитарным экспериментом» постсоветские процессы не имели единой руководящей силы, своего рода «экспериментатора», который бы планировал, осуществлял и отвечал за эти попытки. Постсоветские руководители и группы элит вокруг них (экспериментаторы), а также новые общества (подопытные) формировались вместе с программами собственных экспериментов, конкурировали за контроль над ними и участвовали в создании специфических идеологий нашей эпохи.

Внедрение институтов, которые делали бы демократию, национальные государства и капитализм функциональными, происходило в форме экспериментов начала 1990-х годов. Политическое воображение постсоветских элит о свободе, собственности и нации формировало политические и экономические практики первых лет независимости Украины и ее соседей. Жизнь больших и малых обществ распавшегося Советского Союза стала заложником политического воображения элит, в котором перемешались неолиберальные теории, националистические идеи начала XX века и элементы, присущие советской политической культуре.

После более 20 лет развития в отдельной стране, опыт жизни в новых условиях значительно изменил украинское общество по отношению к свободе, индивидуальной независимости, государственному суверенитету, безопасности, социальной безопасности, бедности и достатку. В этом отношении сформировался неповторимый современный «украинский опыт» и его идеологическое оформление.

Во время трагических событий Евромайдана я начал собирать данные, которые бы позволили понять идеологическое измерение «украинского опыта». Эта работа была продолжена во времена развертывания Донбасской войны и превращения ее в часть повседневности украинского общества. В результате собранных десятков интервью представителей противоборствующих групп и слоев населения современной Украины у меня собралось достаточно материалов, на основании которых можно провести своеобразное картографирование общества в терминах идеологических позиций касательно определенных событий и идей, которые наши современники признают важными и которые разделяют нас на солидарные, конкурирующие, а иногда враждующие лагеря.

В этой статье – на примере Украины – я рассмотрю, как фрагментируется постсоветское общество относительно событий, которые условно можно обозначить как *Выбор 1991 года*. То есть, речь пойдет о том, какие позиции возникают среди жителей Украины при оценке распада СССР, получения независимости, попытки установления демократического строя и свободного рынка, и тех последствий, к которым эти попытки привели. Моя гипотеза состоит в том, что принадлежность к общественным группам, сформированным во время Евромайдана и Донбасской войны, устанавливается одновременно с оценкой *Выбора 1991 года* и в значительной мере в зависимости от нее. А исследовательским вопросом является то, как именно организуется украинское общество под влиянием идеологической оценки *Выбора 1991 года* и его последствий, в частности, в долгий кризисный период между 2013 и 2017 годами? В соответствии с этими вопросами, в первой части статьи я опишу основные понятия, использованные в данном тексте; во второй части речь пойдет о методе сбора и анализа данных об оценках *Выбора 1991 года*; а в третьей будет дано описание обнаруженных идеологических позиций в украинском обществе.

В поисках общего блага: идеология и политика

Политическая коммуникация, идеологическое мышление и коллективная память – ключевые концепции для этого исследования. Поэтому в этой части я проясню, в каком именно смысле употребляются эти понятия. Кроме того, здесь будет рассмотрена значимость именно *Выбора 1991 года* как ключевого события для жителей Украины.

В этом исследовании я исхожу из коммуникативного понимания политики. Его основы были заложены еще Аристотелем¹. Аристотель определяет политику как нацеленную коммуникацию, которая одновременно является и взаимодействием,

¹ Aristoteles. (350 bce). Politics. 1252a / Perseus Greek edition. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0057>. Последнее посещение 1.06.2018.

и обменом информацией, и конкуренцией видения общего блага, и конструированием сообщества людей, признающих друг друга легитимными участниками и указанного обмена, и упомянутой конкуренции. Таким образом, политическое общение – это процесс построения сферы пребывания и взаимодействия людей вместе, в противостоянии и единстве, происходящий вокруг «наивысшего из благ».

Хотя понимание того, чем именно является это благо (безопасность, социальная справедливость, историческая справедливость, индивидуальная свобода, этническое превосходство, расовая чистота, «наш образ жизни» и т.п.) и различно, важно то, что политическое сообщество структурируется одновременно и как единый «политический организм»², и как группы несогласных между собой людей (например, социальные классы, конкурентные группы, гендерные группы, группы с разным доступом к ресурсам)³. Неоднородность и фрагментированность неизбежны в политических обществах, которые также имеют и общую политическую тождественность. Конкуренция групп происходит в виде борьбы партий, движений, сетей, клубов и тайных организаций, ставящих целью получение власти в определенной политической системе. А политическая идентичность проявляется в представлении об одном сообществе-нации и о едином государстве как группе властных институций, которые одновременно поддерживают режим монополии на насилие на определенной территории, предоставляют услуги контролируемому населению и имеют социальную, правовую и культурную легитимность (то есть люди в этих институтах и остальное население верят в свою общность и воспроизводят эту общность во взаимодействии и борьбе).

Политические идеологии проявляют себя как наборы убеждений, фрагментирующих население, привлекающих его к поддержке различных политических групп и делающих возможным динамику политических процессов, направляя политическую коммуникацию на конкретный результат. Этот результат можно описать как «коллективное выживание»⁴, или меньшую зависимость от естественной среды обитания, или справедливость доступа к имеющимся ресурсам⁵,

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. С.12.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т.4. С. 419–459; Hayek F. von. *Social Justice, Socialism and Democracy*. Sydney, Australia, 1979; Butler J. *Bodies that matter: On the discursive limits of sex*. L., 2011; и North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, 2009.

⁴ Moore B. *The Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, 1966; Tilly Ch. *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990*. N.Y., 1990.

⁵ North D.C., Summerhill W., Weingast B.R. *Order, Disorder, and Economic Change: Latin America versus North America* // *Governing for Prosperity* / Ed. Mesquita B.B. de, Root H.L. New Haven, CT, 2000. P. 23-46.

или большее пространство для самовыражения человека⁶, или же, наконец, победу над другими политическими сообществами врагов⁷. Как бы отдельные политические идеологии не мотивировали конкуренцию между различными партиями внутри политического сообщества, одним из их общих результатов является продолжение существования этого сообщества и способность оно успешно конкурировать с другими в международной политике.

В последние десятилетия политическая эпистемология претерпела значительное развитие, что, в частности, привело и к различению политического и идеологического мышления-действия. Политическое мышление-действие связано с направленностью на принятие решения, воплощенного в реальность в случае успеха (получение властной позиции и реализация определенной программы действий). Идеологическое мышление – это «мышление о политике» и «касается форм и разнообразия взглядов людей... относительно центральных вопросов и проблем, с которыми встретились их общества: демократия, бедность, война, частная и публичная сферы, за которого из кандидатов голосовать и т.д., а также когда они конкурируют за значения применяемого ими языка и результатов, к которым ведут его ограничения и возможности»⁸. Это различие важно для того, чтобы понимать, что изъятое из непосредственного процесса принятия решений население тем не менее остается вовлеченным в «политическую коммуникацию» благодаря именно «идеологическому мышлению».

В современной сверхцентрализованной украинской олигополии, которая мало внимания уделяет даже базовым вопросам выживания населения и где у граждан ограничены возможности участия в принятии решений, идеологическая конкуренция тем не менее успешно привлекает граждан к участию в политической коммуникации. Несмотря на слабость партий и постоянное сомнительное качество выборов, украинские граждане достаточно активно участвуют в этих выборах⁹. Население все больше поддерживает государственную независимость¹⁰. Активность граждан преимущественно поощряют не столько политические институты, сколько коммуникативные. Именно СМИ, старые и новые, поддерживают вовлеченность и влияние украинской политической идентичности¹¹.

⁶ Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. N.Y., 2005.

⁷ Schmitt C. *Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*. Bonn, 1922.

⁸ Freedman M. Editorial: Thinking politically and thinking ideologically // *Journal of Political Ideologies*. 2008. Vol. 13:1. P. 1.

⁹ Пивоваров Ю. Чинники суспільно-політичної активності громадян України в дискурсі “розкол/розмежування” // *Політичний менеджмент*. 2009. № 1. С. 2-12.

¹⁰ Київський міжнародний інститут соціології. Зміни у ставленні громадян до суверенітету України: підсумки четвертого п'ятиріччя незалежності, серпень, 2006-2011, 12.12.2011 // <http://old.kiis.com.ua/pub/2011/August/08-01.doc>. Последнее посещение 12.01.2018.

¹¹ Заславська О.О. Засоби масової інформації як інструмент моделювання політичної свідомості у виборчій кампанії (на матеріалах президентських і парламентських виборів 2004–2006 рр.). Дисертація на здобуття ступеня канд. політ. наук: спец. 23.00.03 «Політична культура та ідеологія». К., 2009.

Это участие почти не влияет на пространство свобод или дохода граждан Украины, но постоянно находится на высоком уровне.

Наконец, учитывая нашу тему, к концепциям политической коммуникации и идеологического мышления следует добавить понятие памяти о важных событиях, которые учреждают политическую идентичность и начинают эру политической коммуникации именно этого сообщества. Среди большого количества исследований коллективной памяти для целей этого исследования важны суждения Джеффри Олика, который указывает на особую важность памяти об определенных ключевых событиях для функционирования политического сообщества в определенные периоды¹². Так, для Германии начала XXI века такими событиями являются Холокост и Поворот (Wende, воссоединение 1989 года). Память о Холокосте и Повороте фокусирует немецкие идеологические споры таким образом, что универсальные ценности свободы, ответственности, справедливости и солидарности артикулируются для сегодняшних активных поколений граждан языком этих коллективных «воспоминаний».

В украинских реалиях подобным ключевым событием является именно распад СССР, постсоветский социально-экономический кризис и начало независимости украинского государства. *Выбор 1991 года* выглядит своего рода «космическим событием», задающим коллективную перспективу политических, экономических и идеологических дискуссий – вместе с ее оптикой и языком. Именно это событие выглядит как начало для «нас» (политического сообщества) и именно с него начинаются те события, которые привели к существующему положению дел. Итак, для идеологического мышления современное состояние дел важно начинать описывать с самого «Начала», то есть *Выбора 1991 года*. Следовательно, оценивание этого выбора нужно и для понимания современности, и для видения будущего Украины.

Отдельно следует отметить, что социологические исследования последнего десятилетия подтверждают важность темы *Выбора 1991 года*. Так, данные Киевского международного института социологии (КМИС), социологической группы «Рейтинг» и Международного исследовательского центра Пью (The Pew Research Center), собранные и проанализированные посредством количественных методов, доказывают, что украинское общество разделяет мнение о важности этого выбора и делится на группы, по-разному оценивающие этот выбор¹³.

Вместе с тем, важность *Выбора 1991 года* еще не означает его одобрения. Исследование Центра Пью показало, например, что почти два десятилетия спустя

¹² Olick J.K. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. NY, L., 2007. P. 6ff.

¹³ Київський міжнародний інститут соціології. Зміни у ставленні громадян до суверенітету України: підсумки четвертого п'ятиріччя незалежності, серпень, 2006-2011, 12.12.2011 // <http://old.kiis.com.ua/pub/2011/August/08-01.doc>. Последнее посещение 12.01.2018; The Pew Research Center. Two Decades After the Wall's Fall: End of Communism Cheered But Now With More Reservations, 2009 // <http://www.pewglobal.org/files/pdf/267.pdf>. Последнее посещение 1.06.2018.

после обретения независимости одобрительное отношение к выбору в пользу демократии среди украинцев уменьшилось с 72% в 1991 г. до 30% в 2009 г.; выбор в пользу капитализма, то есть переход к свободному рынку, неолиберальной экономике, обществу рисков и частной инициативы уменьшился с 52% в 1991 г. до 36% в 2009 г.¹⁴

На фоне разочарования в украинских реалиях политических и экономических свобод парадоксальным выглядит тот факт, что поддержка выбора независимости медленно росла в 2000-х годах. Так, несмотря на значительный экономический кризис 2009 г., между 2006 и 2011 годами более 50% украинского населения устойчиво одобряло обретение независимости в 1991¹⁵.

По моему убеждению, сосуществование таких разных оценок независимости, демократии и рынка не является парадоксальным. Наоборот, здесь проявляется идеологическое мышление во всей своей силе. Личный и коллективный опыт пользования экономическими и политическими свободами украинцев свидетельствовал, что эти свободы не ведут ни к увеличению выбора, ни к реализации индивидуального решения на основе этого выбора. Как показывает исследование Европейского банка реконструкции и развития «Переход для всех: равные возможности в мире неравенства» и анализ данных этого исследования по Украине Сергея Гуриева, скептицизм украинцев по крайней мере относительно «выбора в пользу капитализма» вполне логичен: ни одна значительная социальная группа украинского населения, в отличие от большинства других посткоммунистических и постсоветских стран, от этого выбора не выиграла¹⁶. Таким образом, исследование Центра Пью говорит о достаточно рациональной оценке своего постсоветского опыта украинцами. Но идеологическое мышление работает так, что в момент перехода от опыта личного и общего опыта малых групп к выводу, касающегося своеобразного «метафизического» уровня – места в историческом времени и геополитическом пространстве сообщества, – этот личный опыт подчиняется анонимным структурам идентичности больших групп. Этот уровень как раз и описан в указанном выше исследовании КМИС. Анонимные структуры идеологии объединяют несовместимое, личный опыт и коллективные идентичности, надежду и бесперспективность, свободу и смирение. Именно поэтому, по моему мнению, так важно обращаться к анализу событий, которые структуриру-

¹⁴ The Pew Research Center. Two Decades After the Wall's Fall: End of Communism Cheered But Now With More Reservations, 2009 // <http://www.pewglobal.org/files/pdf/267.pdf>. Последнее посещение 1.06.2018.

¹⁵ Київський міжнародний інститут соціології. Зміни у ставленні громадян до суверенітету України: підсумки четвертого п'ятиріччя незалежності, серпень, 2006-2011, 12.12.2011 // <http://old.kiis.com.ua/pub/2011/August/08-01.doc>. Последнее посещение 12.01.2018.

¹⁶ European Bank of Reconstruction and Development. Transition report 2016-17: Transition for all: Equal Opportunities in an Unequal World. Paris: EBRD, 2017 // <http://www.ebrd.com/transition-report>. Последнее посещение 1.06.2018; Гуриев С. Украинская катастрофа // Vox Ukraine. 11.01.2017. <https://voxukraine.org/2017/01/11/sergei-gurievs-speech-ru/>. Последнее посещение 1.06.2018.

ют общественные идентичности и проявляют разделения не только на социальные классы и слои, но и идеологически обусловленные группы. Как раз последние проявляют себя политически активными акторами – следовательно, понимание того, какие смыслы их формируют, важно и для понимания общества в целом.

Как спрашивать об общем благе: методы сбора и анализа данных

Данные, проанализированные в этой статье, были собраны в разговорах с людьми, которые живут в Украине и активно участвовали в политических событиях с декабря 2013 г. по январь 2017 г.

Проведение интервью и сбор информации были основаны на методе когнитивного интервьюирования. Когнитивное интервью – это одновременно: (а) сбор информации в разговоре с человеком, который понимает цель беседы, во время которой активизируются воспоминания о прошлом (личные и / или приобретенные коллективные) и происходит рефлексия относительно них¹⁷, а также (б) проверка интервьюером самого себя, собственных методов и установок, набора вопросов и искренности в прояснении задач своего исследования во время разговора с собеседниками¹⁸. Хотя этот метод связан с рефлексивной социологией и ее качественными методами исследований, а также с современными следственными практиками проведения допросов свидетелей, для меня, как политического философа и исследователя идеологий, этот метод является еще и утонченной герменевтической практикой откровенного разговора людей, переживающих общий опыт и общую ситуацию. Определенным образом, когнитивное интервью является чем-то обратным к сократовским диалогам, где хитроумный философ отчасти мистифицирует, отчасти ведет собеседников через вопросы-вехи к заранее известной истине. В мире идеологий, где на статус истины претендует каждое утверждение, исследование может происходить только через другой ориентир – достижение соглашения и взаимопонимания собеседников. По результатам же многих бесед со многими респондентами появляется возможность понять наше общество в определенный период его существования. И именно этим хорош метод когнитивного интервью.

Набор вопросов для интервью был несколько раз пересмотрен и уточнен, что также является частью метода¹⁹. В первом наборе вопросов говорилось о широком круге идеологических маркеров, включая отношение к: 1) частной собственности, 2) статусам украинского, русского и других используемых в Украине язы-

¹⁷ Fisher R.P., Geiselman R.E. Memory enhancing techniques for investigative interviewing: The cognitive interview. Boston, 1992. P. 12-13.

¹⁸ Willis G.B. Analysis of the cognitive interview in questionnaire design. Oxford, 2015. P. 16.

¹⁹ Ibid. P. 5.

ков, 3) выбору между президентской или парламентской республиками, 4) интеграции с Европой или Россией (или самоизоляции), 5) роли церкви в политике (и вопрос одной поместной православной церкви), 6) выбор в пользу демократии и рынка в 1991 г., 7) отношение к СССР, 8) отношение к сторонам Второй мировой войны (Красная Армия, УПА)²⁰. Однако в ходе интервьюирования уже в 2014 г. стало очевидным изменение отношения многих участников и к самим темам, и к готовности откровенно говорить на раздражающие темы. С началом войны (весна-лето 2014 года) и принятием «декоммунизационных» законов (весна 2015 года), которые по-своему символизируют установление идеологической монополии в Украине, а также политически и юридически питали рост подозрительности различных групп украинского общества друг к другу, немало собеседников начали отказываться от разговора уже после его начала не из-за недостатка времени или усталости, а из-за боязни высказывать собственные убеждения. Если во время интервью на Евромайдане был только один случай отказа от продолжения разговора после первого получаса, то с августа 2014 г. таких отказов стало примерно треть, а с июня 2015 г. – более половины. Подозрительнее всего мои собеседники относились к вопросам о советском прошлом, кризисе 1990-х годов и отношению к России.

Если в начале работы я ориентировался на рекомендации Фишера, Бреннан и Макколи по подготовке вопросов и работы с собеседниками, то в 2015 г. я ориентировался на более мягкие формы опроса и более долгий подготовительный период для выстраивания доверия между интервьюером и собеседником по советам Гордона Уиллиса²¹.

Все интервью, в соответствии с этапами развития противостояния и войны, а также и поведения собеседников, я разделил на несколько периодов:

период	время	собеседники (а) количество, б) язык общения укр. / рус., в) пол м / ж, д) основные позиции, е) возраст – старше 16 лет до 1991 / после 1991 года)	особенность проведения интервью
---------------	--------------	---	--

²⁰ Подробное описание начального метода сбора данных описано в: Minakov M. Utopian Images of the West and Russia Among Supporters and Opponents of the Euromaidan // Russian Politics & Law. 2015. Vol. 53:3. P. 68-85.

²¹ Fisher R.P., Brennan K.H., McCauley M.R. The cognitive interview method to enhance eyewitness recall // Memory and suggestibility in the forensic interview. 2002. Vol. 2:1, P. 23ff.

период Евромайдана	12.2013 – 02.2014	89 40/49 61/28 Евромайдан / Антимайдан 42/47 активисты обоих лагерей	собеседники мотивированы говорить, легко идут на контакт и откровенны в своих суждениях; сильно ангажированы в отстаивании своей идеологической и общественной позиции
период от аннексии Крыма до начала активных боевых действий	03.2014 – 07.2014	40 18/22 19/21 Евромайдан / Антимайдан / все-неправы 24/16 активисты обоих лагерей, публичные интеллектуалы среди неприсоединившихся	собеседники мотивированы говорить, легко идут на контакт и откровенны в своих суждениях; часто признаются в дезориентации и наличии «нескольких позиций в себе», не готовы отстаивать свою заявленную позицию, часто меняют мнение во время разговора-рефлексии
период от Иловайской битвы до «декоммунизационных законов»	08.2014 – 06.2015	51 25/26 23/28 за Украину / за сепаратистов / не моя война 21/30 проукраинские активисты, сторонники сепаратизма (но не участники боевых организаций), активные критики обеих сторон, народные депутаты (7), госслужащие 1-2 категорий (7), военные (7), участники добровольческих батальонов (12)	активные боевые действия и поиск «русских агентов в тылу» уменьшили готовность собеседников откровенно говорить о части тем интервью; часто переспрашивают о том, где и каким образом будут обнародованы данные о разговоре

период «привычной войны»	07.2015 – 01.2017	60 32/28 33/27 основные позиции 29/31 проукраинские активисты, интеллектуалы среди бежен- цев, активные критики сто- рон конфликта, народные депутаты (9), госслужащие 1-2 категорий (8), военные (12), участники доброволь- ческих батальонов (4), лиде- ры криминального мира (7)	война и определенная общественная подо- зрительность стали привычными и мень- ше влияют на (не)готовность гово- рить; вместе с тем от- крытость разговора часто требует завере- ний от интервьюера о безопасности данных; собеседники легко от- казываются от своих суждений, если слы- шат вопросы по про- верке уже сказанного
--------------------------------	----------------------	--	---

В этих интервью меня интересовала не репрезентативность, но откровенность и убедительность ответов, в которых есть данные о идеологических ориентирах собеседников, а также возможность экстраполяции данных из этих ответов на идеологическую ориентацию значительной части населения Украины.

Наконец, собранные ответы были проанализированы с помощью метода анализа речевых актов относительно политических и исторических событий, предложенного Квентином Скиннером²². В частности, я проверял ответы собеседников в трех измерениях применяемых ими оценочных высказываний: 1) употребление слова, характерное для этого собеседника в связи с заявленной позицией и своим пониманием «общего блага» (идеологический смысл); 2) соотношение понятия «со всей областью референций» (значение / референция к событиям прошлого) и 3) соотношение смысла и значения в выражениях.

Применив указанные методы и подходы, я получил следующие результаты.

Выбор 1991: конкуренция оценок

Собранные материалы по *Выбору 1991 года* позволяют говорить о том, что это событие ассоциируется у моих собеседников с несколькими совокупностями

²² Skinner Q. *Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change / Ed. Ball T., Farr J. et al. Cambridge, 1995. P. 6-23, P. 11ff.*

слов и референций. В течение всего периода интервьюирования *Выбор 1991 года* ассоциировался со следующими узлами значений:

- 1) начало / конец порядка,
- 2) национальная государственность и независимость,
- 3) демократия и свобода,
- 4) капитализм и деньги.

Начало, конец и порядок. Одним из первых значений *Выбора 1991 года* является именно то, что он знаменовал собою начало нынешнего состояния дел в Украине. Как бы собеседники ни оценивали сложившееся положение, и как бы ни аргументировали в пользу своей оценки, 1991 год символизирует начало существующего порядка для всех.

Единственным исключением из этого является группа криминальных авторитетов, для которых начало связано с периодом 1988 г. (в общесоюзном смысле) или 1994-95 гг. (в сугубо украинском контексте). Первая дата ассоциируется со временем «реальной свободы», когда милиция уменьшила давление на уголовное сообщество, а экономические свободы и кооперативное движение создали новые источники обогащения. Другим «началом» эта группа называет середину 1990-х годов и приватизацию, по тем же обстоятельствам. Эта группа довольно интересно указывает на неразрывность позднесоветского и постсоветского политического и экономического порядка. Источники обогащения, поведение правоохранителей и условия заключения, по оценкам всех семерых собеседников, не изменились с 1988 по 1998 годы.

Несмотря на то, что собеседники называли 1991 г. началом, он одновременно назывался и концом – концом советской эпохи и предыдущего порядка. Для части респондентов это был конец легитимного порядка, для других концом «кошмара», периода неприемлемых условий существования.

Характерным для всех (кроме криминальных авторитетов) было равнодушное отношение к периоду до 1991 года. Судя по ответам, нормализация постсоветского политического и социально-экономического строя состоялась для всех социализированных жителей Украины, а нормы этого строя интернализированы в значительной степени. Именно поэтому, невзирая на критику отдельных аспектов этого строя, за ним признается статус порядка, легитимного положения дел и неоспоримой реальности.

Национальная государственность и независимость. Национальная государственность и независимость ассоциируются также с национализмом, потерей взаимопонимания между украино- и русскоязычными гражданами и неуверенностью в будущем. Фактически, в начале разговора с подавляющим большинством собеседников независимость оценивалась положительно и как важное начало, исходя из связи *независимости* и *порядка*. Вместе с тем, когда собеседники рефлексировали по поводу независимости и национальной государственности, они переходили к тому, что национальное государство становится также и проблемой для части населения, которое чаще всего в беседах называли «русскоязычными

украинцами». Разрыв между украинско- и русскоязычными группами признают все и связывают его с национальной природой государства. Но оценку этому дают по-разному: для части – это «естественный процесс», направленный на реализацию исторической справедливости (оправданной дискриминации) в отношении русскоязычных украинцев; для другой части – этот конфликт является результатом неправильной национальной политики и должен быть исправлен.

Следует отметить, что в период с 2015 г. слово «национализм» все более приобретает положительную окраску среди собеседников. Этим словом обозначают как стремление установить превосходство одной этноязыковой группы над другой на территории Украины, так и патриотизм, и поддержку украинской армии, и лояльность к правительству, и право на установление цензуры в СМИ, и контроль за гражданами по языковому и идеологическому признаку. В этой смеси рождается новое современное поле идеологических значений. Об этом поле пока рано судить детально, но очевидно, что общее представление о политико-идеологическом центре сдвинулось сильно к правому экстремуму.

Альтернативное видение национальных государств представили уголовные авторитеты. Они, в частности, ставили под сомнение важность установления национальных государств. Так, в шести из семи интервью мои собеседники говорили об иллюзорности государственных границ. Вместо этого они указывали на то, что «настоящие границы» – это границы влияния криминальных групп. Границы носят не всегда географический характер; они могут быть секторными или отраслевыми (игорный бизнес, коммерческий секс, контрабанда и т.д.). На фоне этих признанных уголовным миром границ государственные же являются менее устойчивыми и солидными. Но и эти уголовные пределы, по словам «авторитетов», имеют временную и изменчивую природу: изменение соотношения сил тех или иных группировок меняет и территорию или сектор влияния.

Таким образом, кроме криминальной группы, все собеседники утверждали, что национальное государство – важный элемент порядка и, отчасти, источник имеющихся в обществе конфликтов. Отношение к этому конфликту в значительной степени определяет границы идеологически оформленных групп.

Демократия и свобода. Важность демократии и свободы признали все группы, включая криминальную. Однако почти все собеседники связывали украинскую демократию с безответственностью и коррупцией. Нормативная значимость и практическая неубедительность демократических свобод создают своеобразное поле идеологического напряжения для украинцев.

Демократию мои собеседники в основном определяли как представление о форме правления «на Западе» и связанную с ней нормативностью. Эта форма правления для части из них является желанной для установления в Украине, а для части – крайне нежеланной. Однако каким бы ни было отношение к демократии, во время рефлексии раз за разом возникали сомнения относительно того, возможна ли демократия в Украине. Это сомнение уменьшалось, когда я предлагал сравнить положение дел с политическими свободами в России, Беларуси и

Украине: на фоне других восточноевропейских соседей наша страна оценивалась однозначно как «наиболее демократическая». Вместе с тем, сравнение Украины с «Западом» вело к признанию того, что «мы еще не готовы к демократии». Эти пространственно-временные сравнения работали одинаково в рефлексиях и этнонационалистически настроенных собеседников, и сверхтребовательных «против-всехов» (активных избирателей, отказывающихся поддерживать зарегистрированных кандидатов), и снисходительных «гражданских националистов».

Кроме того, для многих собеседников попытки установить демократию и практиковать политические свободы были важными событиями для страны и общества. Оранжевая революция и Евромайдан для информантов были попытками реализовать на практике *Выбор 1991 года*. Однако каждый раз выполнению обещаний политических свобод «что-то препятствовало». Как правило, препятствия возникали со стороны коррумпированных политиков и олигархов, которые забывали об обещанном на баррикадах.

Коррупция во всех группах признавалась, прежде всего, как недостаток демократии, отсутствие ответственности лидеров перед остальными гражданами, что проявляется во взяточничестве и кумовстве. Коррупция представляется как нечто связанное с невыполнением *Выбора 1991 года*, чем его проявлением. Очень часто источниками коррупции мои собеседники называли советский опыт. Только ностальгически настроенные по советскому прошлому называли коррупцию собственно инновацией, характерной для эпохи независимости Украины.

Уголовные авторитеты пренебрежительно отзывались о демократии, но с большим уважением – о свободе. Правда, для этой группы свобода является чем-то альтернативным политике и праву. Идеальная свобода – это «пребывание вне влияния государства и общества», в группе товарищей, которые разделяют общие правила и взгляды на жизнь.

Капитализм и деньги. К ряду первостепенных ассоциаций с капитализмом и деньгами принадлежат олигархия, предпринимательство и богатство / бедность.

Само слово «капитализм» вызывало негативное или, реже, нейтральное отношение. Для всех собеседников капитализм означает строй, где во главе угла – деньги и частная собственность, сосредоточенные в руках меньшинства-олигархов. Реже связывают капитализм со свободным рынком или предпринимательством. Все без исключения связывают капитализм с разделением на бедных и богатых, но характерным для всех собеседников является «естественность» и «нейтральность» этого разделения. Бедность не вызывает бурных негативных эмоций, а богатство почти для всех желанно.

Олигархия – явление, которое имеет общую негативную оценку. Для большинства собеседников олигархи – это те, кто воспользовался *Выбором 1991 года* и «свернул» или «испоганил» его. Даже при появлении «патриотических олигархов» (2014-15 гг.) мои респонденты продолжали называть их нелегитимными владельцами имущества, чей успех представляется как результат «кражи народ-

ного имущества» или «преступлений». Существование олигархов воспринимается как погрешность истории после *Выбора 1991 года*.

Среди криминальных авторитетов часть олигархов снискала уважение, а часть – пренебрежительное отношение. Здесь именно «наглость» поведения олигарха в 1990-е годы приобретает высокую оценку. А получение имущества посредством контроля властного поста не приносит олигарху уважения со стороны воровского общества.

Хотя разделение на бедных и богатых признавалось безоговорочным большинством моих собеседников, феномен бедности имеет общую негативную оценку. Радикально негативное отношение бедность вызвала среди радикальных этнонационалистов и тех собеседников, которые относились к СССР с ностальгией. У подавляющего большинства собеседников во время рефлексии возникали сомнения относительно неприкосновенности права собственности на имущество олигархов.

Отдельно следует отметить положительное или позитивно-нейтральное отношение к предпринимателям (собственно, мелким предпринимателям, неолигархам) и предпринимательству как таковым. Если «человек сам заработал своим трудом», то и «радикалы», и «ностальгические», и «против-всеми» одинаково положительно относились к незыблемости права собственности таких предпринимателей.

В конце концов, капитализм и все, что с ним связано, также прочно ассоциируется с *Выбором 1991 года*. Даже среди воровских авторитетов наблюдается соглашение с тем, что приватизация – во многом «заслуга независимости». Однако именно этот аспект выбора вызвал наибольшие противоречия и разногласия.

Согласно указанному выше были определены шесть идеологически обусловленных групп украинского общества в отношении к *Выбору 1991 года* и ассоциированных с ним смысло-референционных узлов:

группа	отношение к независимости	отношение к демократии	отношение к капитализму
группа незавершенного выбора или «этнонационалисты»	положительное, но необходимо привести государственность и состав населения к этноязычной «чистоте»	негативное, пренебрежительное, может быть хорошим, если будет иметь этнонациональное содержание	хорошо, что люди могут зарабатывать; плохо, что делит нацию на бедных и богатых

<p>группа защитников <i>Выбора 1991 года</i> или «гражданские националисты»</p>	<p>одобрительное, «правильные решения» 1991 г. еще не все воплощены, шансам на осуществление мешают этнонационалисты и просоветские; союз «украино- и русскоязычных граждан» – ключевой для успеха Украины</p>	<p>положительное, демократия очень важна, свобода и толерантность возможны только при действенной демократии</p>	<p>положительное, свобода и толерантность возможны только при защищенной частной собственности и сильной экономике</p>
<p>группа с требованиями выполнить в полной мере интенции <i>Выбора 1991 года</i> или «противовсехи»</p>	<p>важное событие, могло быть хорошим началом, но не стало, надо воплотить обещания 1991 г. в реальность, нет никакой политсилы, способной на такое воплощение</p>	<p>очень одобрительное, свобода и толерантность возможны только при действенной демократии; необходимы реформы для установления «полной демократии»</p>	<p>сдержанно-одобрительное, «у нас неправильный (дикий) капитализм, порождающий олигархию», нужен капитализм для демократии</p>
<p>группа ностальгирующих по СССР или «советские»</p>	<p>негативное, источник социальных проблем и коррупции</p>	<p>сдержанно-одобрительное, «во времена Перестройки демократии было больше»</p>	<p>негативное, источник бедности и бесправия «народа»</p>
<p>славянофилы или «пророссийские»</p>	<p>негативное, неестественной разрыв Украины и России, источник всех проблем современности</p>	<p>отрицательное, «потому что это ненастоящая демократия», это – контроль Запада над Востоком; свобода важна, важно единство и сила в отношениях с Западом</p>	<p>важно для усиления экономики и взаимодействия Украины и России, отрицательный эффект через экономическое влияние Запада на Украину и Россию</p>

альтернативные или «криминал»	неважное событие, важнее были возникновение новой криминальной культуры, кооперативное движение и приватизация	нейтрально-негативное, коррупционный эффект демократии и межнациональная толерантность оценена положительно, уменьшение уважения к «старым» правилам и уважения к «старшим» – отрицательно	одобрительное отношение к приватизации, а также возможности «договариваться» с правоохранителями и судьями
-------------------------------	--	--	--

У этого деления есть определенные ограничения, учитывая, что по отношению к другим идеологическим маркерам (продажа земли, один или два государственных языка, вступление в НАТО, отношение к СССР и т.д.) эти группы иногда оказываются на общих позициях. Так, «советские» и «этнонационалисты» одинаково негативно и с похожей аргументацией выступают против частной собственности на землю и ее свободную продажу. Однако эти маркеры сами по себе не выступают ключевыми по определению идеологических позиций в украинском обществе.

Влиятельность *Выбора 1991 года* соотносима только с *Войной 2014-18* гг. Оба события во многом определяют группы в их отношении к политическим силам и мобилизуют к участию в политике невзирая на непосредственные личные интересы. Однако собранные материалы показывают, что группы, сформированные под влиянием оценок *Войны*, быстро меняются. Пока нет временного расстояния до идеологизированного события, это событие будет как источником идеологических разделений в обществе, так и источником неопределенности и непредсказуемости этих разделов.

Выводы

Собранные материалы и их анализ свидетельствуют о том, что в идеологической плоскости именно *Выбор 1991 года* выступает началом, истоком современного политического порядка и социально-экономического строя. Обретение независимости, начало политических реформ и экономическая трансформация стали теми событиями, которые заложили основание существующей социальной реальности и пространства политической коммуникации.

Именно в рамках этой реальности и в структурах этой коммуникации возникает и идеологически оформляется постсоветский украинский политический опыт. Этот опыт уточняется в виде фрагментирования украинского общества по отношению к тем событиям, которые были условно обозначены как *Выбор 1991 года*. Важно отметить, что выделенные выше шесть групп активно показали свое присутствие в трагических событиях последних трех лет. Несмотря на то, что тип мобилизации, действия или удержания от действий членов этих групп проясняется и относительно к Евромайдану, и к Донбасской войне, но прежде всего формируется по отношению к событиям 1991 года. В нарративах каждой из групп оценка текущих событий происходит через референцию к *Выбору 1991 года* как началу существующего порядка.